

**Бельский А.В. УДК 94(100)"1939/1945"-058.65(477.75):314.116-022.252
НАСЕЛЕНИЕ КЕРЧИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.
ДЕПОПУЛЯЦИЯ**

На 1 января 1941 г. в г. Керчи было зарегистрировано 108.3 тыс. чел. Примерно 16 тыс. чел. было призвано в ряды РККА и ВМФ. Здесь необходимо оговориться, что плюс-минус несколько сотен человек могут влиять на результат, добавляя или убавляя одну тысячу человек. Разница около 16 тыс. чел. примерно соответствует 15.9 тыс. чел., указанных как призванные в ряды Красной Армии и Флота. Тогда в городе должно было остаться около 92-92.5 тыс. чел. Но к 8 ноября 1941 г. на Северный Кавказ и Тамань было эвакуировано еще до 30 тыс. керчан [16, с. 47; 1, с. 22; 13, с. 19; 6, с. 6]. Следовательно, к приходу оккупантов в городе могло оставаться около 62 тыс. чел.

Но почти столько – 63 тыс. чел. – обнаруживается при регистрации населения Керчи в начале января 1942 г. советскими властями после первого освобождения города. Если мы сложим с ними эвакуированных и мобилизованных, в итоге получим 109 тыс. чел. Это несколько выше, чем должно было бы быть. Мы явно имеем больше людей в Керчи, чем было перед войной. Известно, что в ноябре-декабре 1941 г. немцами было расстреляно около 7 тыс. чел. (в Багеровском противотанковом рву), а также несколько тысяч в Аджимушкайском, Камыш-Бурунском противотанковых рвах, шахтах, ямах и других местах массовой казни. То есть обнаруживается явное превышение общего количества людей только в городе примерно на 10 тыс. чел. Это можно объяснить только тем, что перед самой оккупацией Керчи, здесь примерно настолько было больше людей – около 72-73 тыс. чел. Но откуда?

Видимо, здесь можно выдвинуть две версии:

1. Жителей стало больше за счет эвакуированных из других мест.

К ноябрю 1941 г. из Крыма было эвакуировано более 225 тыс. жителей, в т. ч. около 26 тыс. из Севастополя [2, с. 79]. Вывоз остальных, в основном, совершался через Керченский пролив. К 8 ноября 1941 г. на Северный Кавказ и Тамань было эвакуировано около 200 тыс. чел. Из них до 30 тыс. керчан и, следовательно, около 170 тыс. беженцев из других регионов Крыма. Несколько десятков тысяч крымчан не смогли переправиться на таманский берег и осели в Керчи, ее предместьях в Маяк-Сальнском и Ленинском районах, или вернулись домой. Было также эвакуировано около 50 тыс. чел. в/с. Следовательно, через пролив перевезено только в одну сторону (на Кавказ) всего около 250 тыс. чел. (и это не считая оборудования керченских и крымских заводов, 400 орудий и 240 тыс. голов скота). Без сомнения население прифронтового, а затем и оккупированного города сильно выросло за счет беженцев и в/с. Эти цифры должны изменить все расчеты, в т. ч. увеличивая число жертв.

2. Жителей стало больше за счет дезертирства из 51-й армии.

В сборнике «Реабилитированные историей» приводятся такие результаты работы спецорганов на Керченском полуострове: «С 1-го января по день эвакуации 14 мая 1942 г. в Керчи проведено 55 массовых операций-облава по проческе местности с целью поимки шпионско-диверсантских элементов, дезертиров и всяких подозрительных. В результате этих операций после фильтрации было задержано: подозреваемых по шпионской и диверсионной деятельности – 78 чел.; дезертиров на РККА – 2 353 чел.; уклонявшихся от призыва и мобилизации на военную службу – 862 чел.; разыскиваемых органами НКВД – 4 чел.; военнотружущих, потерявших свои части – 10 330 чел.; всего – свыше 16 000 чел.

В этих операциях-облавах принимал участие весь оперативный состав местных органов и опергрупп НКВД и милиции и 2 полка пограничных и внутренних войск НКВД» [15, с. 48-61].

И хотя органами НКВД было обнаружено свыше 16 000 подозрительных, из них только две категории солдат и офицеров, среди которых «дезертиры РККА» и «военнослужащие, потерявшие свои части», составляет 12 683 чел. А вместе с 23-мя арестованными дезертирами и членовредителями 12 706 чел. Категория «уклонявшиеся от призыва и мобилизации на военную службу – 862 чел.» была обнаружена среди местных жителей Керчи из числа, возможно, прежней «брони» и подросшего поколения молодежи, и не может быть учтена среди военнотружущих [15, с. 48-61]. То есть среди 63 тыс. керчан более 12.7 тыс. оказалось военнотружущими и разница составила около 50 тыс. чел., которых можно отнести к «гражданским». Но и из 50 тыс. чел. необходимо вычесть некоторое, непредставимое для исследователя, количество людей, не успевших эвакуироваться и осевших в Керчи и ее окрестностях.

При сравнении регистрации населения Керчи немецкими властями в ноябре 1941 г. (46 тыс.) и советскими властями в январе 1942 г. (63 тыс.) обнаруживается разница в 17 тыс. чел. Это, видимо, те люди, которые в период оккупации прятались селах Маяк-Сальнского и Ленинского районов.

Регистрация населения Керчи в начале января 1942 г. советскими властями после первого освобождения города дает итоговую цифру в 63 тыс. чел. Получается, что за период 22.06-31.12 1941 г. город потерял около 46 тыс. чел. за счет миграций и гибели.

Но при сравнении численности керчан на начало января (63 тыс.) и на середину марта 1942 г. (60.6 тыс.) мы обнаруживаем убыль еще в 2.5 тыс. чел. Это, возможно, укладывается в рамки гибели от военных действий (только с 1 января по 10 апреля бомбардировки унесли жизни 396 чел. гражданских), эвакуации и репрессий (расправы с коллаборационистами, с личными врагами, депортации итальянцев, смешанных семей, иностранноподанных турок и греков и др.), мобилизации в Крымфронт. Собственно о некоторых репрессиях определенное представление мы получили из опубликованного отчета органов НКВД: «С 1-го января по 10-е мая 1942 г., день, когда началась эвакуация г. Керчи, НКВД Крыма арестовал на Керченском

полуострове 1 377 врагов советской власти»; «Таким образом, всего выселено в операцию, проведенную 11 апреля 1942 года – 803 семьи, а всего с членами семей – 2 157 человек» [15, с. 48-61]. Вместе с ними были выселены 209 иностранно-подданных (греческо-подданных и турецко-подданных) в составе 24 семей. А в итоге выходит 3 743 чел.!

Собственно, выселяли за все: бывших членов «антисоветских» партий; лиц, отбывавших наказание за «контрреволюционные» преступления; бывших белогвардейцев; «харбинцев» (граждан России, ранее находившихся в Китае); лиц, исключенных из ВКП(б) по политическим мотивам; семьи изменников родины и осужденных за «контрреволюционные» преступления; лиц без гражданства; бывших иностранных подданных, принявших советское гражданство, проявлявших антисоветские настроения (разочарованных действительностью); бывших участников «террористических» организаций и групп; бывших троцкистов и правых; бывших политических «бандитов»; семьи находившихся в плену у немцев и ныне арестованных в спецлагерях; лиц, не имеющих постоянного места жительства; а из криминального мира лиц, судившихся за спекуляцию (3), судившихся за расхищение социалистической собственности (14), рецидивистов (11) и проституток (78), всего 106 чел., а вместе с членами семей всего 142 чел. При этом в числе арестованных «разный уголовный элемент» (70 чел.). Но в другом отчете среди арестованных указаны 8 уголовников и 10 чел. содержателей притонов [15, с. 48-61]. Итого 212 чел. разного уголовного элемента вместе с членами семей было арестовано и выслано из Керчи.

В этом списке 588 чел., обвиненных в измене родины («лица, перешедшие на службу к оккупантам и занимавшие в созданных ими учреждениях и предприятиях руководящие положения, агенты гестапо, предатели, старосты, помощники и руководители общин, полицейские и другие немецкие пособники»), но не арестованных. С осужденными за «контрреволюционные» преступления и членами семей обеих категорий было выслано 1 688 чел. Остальные 1 913 чел. были выселены по политическим мотивам, «на всякий случай».

Арестовано: изменников Родины; пораженцев и распространителей провокационных слухов; дезертиров и членовредителей; шпионов и диверсантов; вредителей и саботажников; участников контрреволюционные организаций и групп; повстанцев и политических бандитов; террористов; за прочие преступления, всего 1 377 чел. Показательно, что каждый третий был арестован как пораженец и распространитель провокационных слухов. Из арестованных «татарских националистических элементов» оказалось всего 188 чел., что составляет 13.65%, а также 120 чел. бывших кулаков, 70 уголовников, 42 коммуниста, 20 комсомольцев, 17 бывших «белых», 13 ранее судимых за контрреволюционную деятельность и 2 бывших членов контрреволюционных партий [15, с. 48-61].

Таким образом, за период с 1 января по 10 мая 1942 г. в Керчи было арестовано и выселено 3 743 чел.

Население города стремительно таяло. Взрослых оставалось все меньше, резко увеличивался удельный вес детей. К середине марта, согласно документам, дети до четырнадцати лет составляли уже одну треть от находившихся в нашем городе и его окрестностях мирных жителей (19 907 к 60 641 чел.)! В начале апреля количество горожан упало до 52 тыс. чел. Вот что пишет 9 апреля в своем личном дневнике 2-й секретарь гокома партии того времени И. А. Козлов: «9/IV-15 ч. Готовимся к химической атаке города, готовим газобезища, каменоломни, куда намечается переселить **все население города** (42 т(ысячи) в Аджимушкайские и 12 т(ысяч) в Старокарантинские каменоломни)» [5, с. 503; 4, с. 3].

В период краха Крымфронта и потери Керчи 8-20 мая 1942 г., согласно «Докладной записки СНК Крыма в обком об эвакуации из Крыма населения» об эвакуации керчан сообщается следующее: «Наконец, в связи с оставлением нашими войсками Керченского полуострова и г. Керчи в мае 1942 г. нами было эвакуировано около 12 тыс. чел.» [10, с. 66-68; 18, с. 79]. Конечно, из этого количества трудно выделить городское и сельское население, но, с учетом гибели от бомб, уличных боев, на переправе через пролив, расстрелов в первые дни второй оккупации и т. п., можно предположить, что в городе оставалось около или менее 40 тыс. человек.

Депопуляция населения в Керчи достигла такого уровня, что для проведения в 1943 г. строительных работ в регионе немцы были вынуждены создать «5 лагерей, в которых томилось около 30 тыс. пленников» из Кубани, городов и деревень Крыма, Запорожской и Днепропетровской областей. Наряду со взрослыми к работе (по 14 часов) были привлечены местные и привезенные подростки от 10 до 16 лет [2, с. 9; 14, с. 53-54].

Эпилогом затянувшейся драмы в Керчи стало тотальное выселение всего городского и пригородного населения в конце сентября – начале октября 1943 г. и депортация его в центральную и западную части Крыма, в Нижнегорский (Сейтлерский), Кировский (Ислам-Терекский) и Евпаторийский районы Крыма и в гг. Симферополь и Севастополь. Вернуться они смогли уже после освобождения города в апреле 1944 г. Та же ситуация произошла и со значительной частью жителей прибрежных сел Маяк-Сальнского и с некоторой частью Ленинского районов. Город обезлюдел до такой степени, что в момент его освобождения в апреле 1944 г. удалось найти всего 11 жителей – последних прятавшихся в малодоступных местах. Это составило 0.01% от состава населения по регистрации на 1 января 1941 г. Они были зарегистрированы в день освобождения города, в его центральной части – в Кировском районе. Н. А. Сирота утверждал, что в первый день он насчитал 34 жителя. Вероятнее всего, большинство из них было представителями партийных и советских органов и гражданскими, вернувшимися в центр Керчи из Сталинского района города (каменоломен) вслед за войсками [19, с. 289; 16, с. 136]. Частью это были беженцы, находившиеся в близлежащих деревнях. И, может быть, один-два-несколько человек, прятавшиеся в руинах и погребках разрушенных домов. Общий демографический ущерб Керчи на 11 апреля 1944 г. достиг 99.99%. Для

сравнения: в Севастополе в день освобождения обнаружено 1 034 чел., что составило около 1% от довоенного населения. Это примерно в 100 раз больше, чем в Керчи!

Теперь можно проверить и заявленную предполагаемую цифру мобилизованных керчан в 3 000 чел. в 1944-1945 гг. Венедиктов: «Таким образом, с момента освобождения нашего города, после 11 апреля 1944 г., призывной ресурс только по Сталинскому РВК составлял не менее 900 человек, в том числе более 600 мужчин из этого числа входили в тот контингент, которого «не досчитались» Вооруженные Силы в 1941 г.

С учетом того, что население Сталинского района до начала войны составляло примерно пятую часть жителей города, то невооруженный или избежавший по разным причинам, вплоть до 1944-1945 гг. мобилизации в войска Действующей армии призывной контингент по всему городу мог составить до 3 тыс. человек. Если вычесть это количество граждан, оставшихся за бортом мобилизации, то, несомненно, мы приходим к предельной цифре в 12 тыс. человек, мобилизованных в июне-августе 1941 г.» [3, с. 14].

Этому можно было бы поверить, если бы не знать, что Сталинский район Керчи был освобожден от немцев в ноябре 1943 г. За полгода, к апрелю 1944 г., сюда вернулись люди, прятавшиеся в каменоломнях (Больших Аджимушкайских, Малых Аджимушкайских, Детушевских, Булганакских), коммуникациях завода им. Войкова и в других местах. Кроме того, на Еникальский полуостров, занятый советскими войсками, могли прибывать беженцы, мигрировавшие на Северный Кавказ. Так поступали рыбаки и их семьи, вновь занявшиеся рыбным промыслом и обеспечением армии. После освобождения Керчи, местные жители постепенно в 1944-1945 гг. возвращались домой во все районы. Поэтому в Сталинском районе можно было мобилизовать больше, чем в других районах вместе взятых. Венедиктов: «А всего, с марта по ноябрь 1944 г., по Сталинскому РВК пришло более 650 мобилизованных (примерно 200 человек составляли парни от 17 до 20 лет). В 1945 г. до завершения военных действий в Европе Сталинский РВК призвал еще 285 человек (в том числе 74 человека из молодежи)» [ок. 940 чел. – А. Б.] [3, с. 13]; «Таким образом, с момента освобождения нашего города, после 11 апреля 1944 г., призывной ресурс только по Сталинскому РВК составил не менее 900 человек» [3, с. 14].

Однако механистическое умножение 600 чел. («пятую часть жителей города») на «пять» в данном случае некорректно и не может дать предполагаемых «до 3 тыс. человек». И, даже, механистическое умножение 940 чел., призванных из Сталинского района, на три (по количеству районов города) является также некорректным. Южный район города был малонаселенным, а центральный обезлюдел в дни боев, расстрелов, эвакуаций, угонов и депортаций. Проверим это. Согласно «Акту городской комиссии» от 24 августа 1944 г., опубликованном в материалах книг М. М. Максименко, сборников: «Книга скорби Украины: Автономная Республика Крым» и «Керчь военная» и др.: «За два года хозяйничания в Керчи немецко-румынских захватчиков замучено и истреблено (расстреляли, повесили, отравили газами, сожгли и утопили в море) 14 087 мирных граждан г. Керчи», в том числе: в Кировском районе 10 010, Сталинском – 2 977, Орджоникидзевском – 1 100 чел. И далее: «расстреляно, замучено и сожжено советских военнопленных до 15 000 человек [8, с. 168; 20, с. 269; 6, с. 37; 17, с. 522; 16, с. 143; 9, с. 328, 330; 12, с. 341; 7, с. 21-22].

Угнано насильственно в немецкое рабство – фашистскую Германию – мирных граждан г. Керчи – 14 342 человека», в том числе угнано по районам: 9 500 чел. – в Кировском, 3 342 (по иным данным – 6 000) – в Сталинском и 1 500 (по иным данным – 3 000) чел. – в Орджоникидзевском [11, с. 24; 9, с. 328, 330; 12, с. 341; 7, с. 21-22]. А в октябре 1943 г. вообще все керчане были депортированы немцами в иные части Крыма, а мужчины – в севастопольские лагеря. Из этой информации мы получаем более, чем убедительное подтверждение того, что Кировский район испытал наибольшее влияние процесса депопуляции.

Оставшиеся в живых прошли советские фильтрационные лагеря, затем, по подозрению, часть из них отправилась в лагеря в заключение. А еще часть – «неправильного» неславянского происхождения (крымские татары, армяне, болгары, греки, немцы, итальянцы, турки, персы, цыгане и др.) – в ссылку, в депортацию. Именно из их числа согласно указаниям Ставки было наименьшее число призванных в прежнее время и, следовательно, они уже не могли увеличить число мобилизуемых керчан. Это означает, что по количеству мобилизованных из Сталинского района невозможно установить общее число призванных из Керчи. Таким образом, в целом, керчан вряд ли могло быть призвано более 1 500-2 000 чел. за период с ноября 1943 по август 1945 гг. Все в совокупности не дает права утверждать о том, что в первые месяцы войны было мобилизовано 12 тыс., а не 15,9 тыс. чел., о которых есть прямое указание в документальных источниках. Венедиктов: «в войска Действующей армии призывной контингент по всему городу мог составить до 3 тыс. человек. Если вычесть это количество граждан, оставшихся за бортом мобилизации, то, несомненно, мы приходим к предельной цифре в 12 тыс. человек, мобилизованных в июне-августе 1941 г.» [3, с. 14].

11 апреля был освобожден весь город и почти весь Маяк-Салынский район Крыма; 12 апреля – весь Ленинский район и, в целом, Керченский полуостров. В ночь на 13 апреля освобождена Феодосия, а днем – Старый Крым, Карасубазар, Симферополь и Евпатория. Таким образом, население Керчи, скрывавшееся в селах Керченского полуострова и в лесах близ Феодосии и Старого Крыма, получило возможность вернуться в Керчь. Только за первую неделю было зарегистрировано 5 764 жителя или почти 6 тыс. чел. [10, с. 361; 13, с. 186, 188; 6, с. 35; 12, с. 341]. К 1 мая в городе было уже 14 000 жителей [16, с. 137; 6, с. 36; 12, с. 341], то есть за две недели в город вернулось еще ок. 8 тыс. чел. На 1 июня (за один месяц!) вернулось еще ок. 10 тыс. чел. Но за последующие 7 месяцев, к 1 января 1945 г. «В Керчи зарегистрировано 37 017 жителей» [6, с. 39]. Мы видим резкое снижение количества прибывавших в Керчь: примерно, по 2 тыс. чел. в месяц.

Кроме того, «постановления СНК Крымской АССР от 3 и 5 мая «О мобилизации рабочей силы для предприятий черной металлургии Крыма» обязывали отдел по учету и распределению рабочей силы при Совнаркоме Крыма мобилизовать до 20 июня 4 000 человек из числа трудоспособного городского и сельского населения полуострова и направить их на заводы черной металлургии» [2, с. 13]. Это дополнительно увеличивало население Керчи.

За весь 1945 г. в Керчь прибыло 13 тыс. чел., в том числе демобилизованные. Это дало нам по 1 тыс. чел. в месяц. Общее число жителей достигло «43 тыс. человек» [12, с. 346]. Видимо, это количество становится пограничным, рубежным, поскольку оно учитывает возврат населения из эвакуации, угона в лагеря в Германии, и демобилизацию с европейских фронтов, а также с войны с Японией. Остальные цифры укладываются в рамки привычных для Керчи миграционных процессов. Однако, среди 43 тыс. чел., прибывших в Керчь, может оказаться большое количество представителей иных регионов, прежде всего – Керченского и Таманского полуостровов. В этом случае разница между 108.3 и 43 тыс. чел. составляет около или более 65 тыс. чел. (около или более 60%).

Таким образом, после изучения литературы и опубликованных источников, систематизации опубликованных материалов и трудов о населении на территории Керченского полуострова, удалось установить, что в предвоенные годы наблюдался поступательный и стабильный рост населения в городе Керчи. В условиях начавшейся Второй мировой войны рост населения резко снизился, но не остановился, превышая мобилизацию. Единственной исходной для расчетов, в этом случае, является регистрация жителей на 1 января 1941 г., зафиксировавшая 108.3 тыс. керчан. В целом, за период 23 июня – 19 ноября 1941 г., в РККА и РКМФ было мобилизовано до 15.9 тыс. чел. Тогда военнобязанных могло оставаться еще около 6-7 тыс. чел. Но они, вероятнее всего, были включены в состав партхозактива, «брони», эвакуированных и других групп населения (например, этнических: немцы, болгары, итальянцы...), не могущих быть призванными.

В июле-ноябре 1941 г. эвакуировано через пролив до 30 тыс. керчан и около 170 тыс. беженцев из других регионов Крыма. В Керчи оставалось до 62 тыс. местного населения. И несколько десятков тысяч крымчан не смогли переправиться на таманский берег, оседая в Керчи и ее предместьях в Маяк-Салыньском и Ленинском районах, увеличивая их население, или вернулись домой. В Керчи на тот период оказалось около 72 тыс. чел., явно превышая общее количество людей в городе примерно на 10 тыс. чел. по советской регистрации. Эта разница выясняется, если мы вспомним о том, что в ноябре-декабре 1941 г. немцами было расстреляно около 7 тыс. чел. (в Багеровском противотанковом рву), а также несколько тысяч в Аджимушкском, Камыш-Бурунском противотанковых рвах, шахтах, ямах и других местах массовой казни.

В связи с гибелью от ежедневных бомбардировок, фильтрацией, арестами, высылками, мобилизацией и репрессиями, численность жителей города и пригородов с января по май снова резко сократилась на 17-20 тыс. чел. В марте 1942 г. в Керчи и окрестностях насчитывалось более 60 тыс. чел., но в начале апреля городское население составляло уже около 52 тыс. жителей. В мае 1942 г. удалось эвакуировать еще 12 тыс. керчан. Таким образом, к концу мая 1942 г. в Керчи оставалось не более 40 тыс. чел. Необходимо также учесть новые волны мобилизации в январе-мае 1942 г. Это привело к резкому росту до одной трети удельного веса группы детей (возрастом до 14 лет) среди населения города и пригорода. В общей сложности депопуляция Керчи составляла от половины до двух третей прежнего предвоенного уровня населения. Но даже те, кто оставался в оккупированной Керчи, в сентябре-октябре 1943 г. были тотально выселены в центральную и западную части Крыма. И сам город в результате боевых действий был полностью разрушен.

Незначительное население Керчи сохранилось только в каменоломнях и случайных развалках. На день освобождения 11 апреля 1944 г. в городе оставалось около 11 чел., что составило всего 0.01% от довоенного населения. Это можно назвать подлинной демографической катастрофой. Основная масса жителей, находившихся в центральной и западной частях Крыма, вернулась в течение двух месяцев после освобождения города. Затем темпы возвращения замедлились и к концу 1945 г. вошли в рамки привычных для Керчи миграционных процессов. Практически все оставшиеся в живых керчане вернулись к 1 января 1946 г., образовав массив в 43 тыс. человек. В этот массив вошло и несколько тысяч человек, специально направленных для восстановления города. Разница между 108.3 и 43 тыс. чел. составила ок. 65 тыс. чел. (ок. 60%). Это, вероятно, и есть общая минимальная потеря населения города за годы войны.

Источники и литература:

1. Акулов М. Р. Керчь – город-герой / М. Р. Акулов. – М. : Воениздат, 1980. – 176 с. – (Города-Герои).
2. Брошеван В. Изгнание и возвращение / В. Брошеван, П. Тыглиянц. – Симферополь : Таврида, 1994. – 176 с.
3. Венедиктов Л. А. Керчь. Мобилизация 1941 года / Л. А. Венедиктов // Керчь военная : сб. статей. – Керчь : КИКЗ, 2004. – С. 7-15.
4. Демиденко О. «Придавая исключительное значение...» / О. Демиденко // Боспор. – 2009. – 17 ноября. – С. 3.
5. Дневник И. А. Козлова из фондов Керченского заповедника / И. А. Дневник; подг. текста, предисл. и коммент. Г. В. Коротковой // Научный сборник Керченского заповедника. – Керчь : КИКЗ, 2008. – Вып. 2. – С. 484-538.
6. Керчь и Керченский полуостров в годы войны (1941-1945) : справочник / В. В. Симонов и др. – Рукопись. – Керчь, 1994. – 73 с.

7. Книга Скорби Украины: Автономная Республика Крым : мемориальное издание. – Симферополь : Таврида, 2001. – 464 с.
8. Короткова Г. В. К вопросу о работе Чрезвычайных комиссий в Керчи (1944 г.) / Г. В. Короткова // Военно-исторические чтения. – Керчь, 2004. – Вып. 2 : На Керченском плацдарме : к 60-летию освобождения Керчи : сб. науч. статей. – С. 166-183.
9. Короткова Г. В. Оккупационный режим в Керчи в период Великой Отечественной войны и его последствия / Г. В. Короткова // Керчь военная : сб. статей. – Керчь : КИКЗ, 2004. – С. 304-339.
10. Крым в период Великой Отечественной войны. 1941-1945 : сб. документов и материалов / сост.: И. П. Кондранов, А. А. Степанова; отв. ред. М. Р. Акулов. – Симферополь : Таврия, 1973. – 494 с.
11. Максименко М. М. Местные Советы Крыма в послевоенный период (1945-1958 гг.) / М. М. Максименко. – К. : Наукова думка, 1972. – 268 с.
12. Махова З. П. Керчь возрождается / З. П. Махова // Керчь военная : сб. статей. – Керчь : КИКЗ, 2004. – С. 340-348.
13. Мелков Л. А. Керчь: Повесть-хроника в документах, воспоминаниях, письмах участников героической защиты и освобождения города в 1941-1944 гг. / Л. А. Мелков. – М.: Политиздат, 1981. – 199 с. – (Города-герои).
14. Немецкие варвары в Крыму : сб. матер. / под ред. П. А. Чурсина. – Симферополь : Красный Крым, 1944. – 112 с.
15. Реабилитированные историей. Автономная Республика Крым : кн. 2. – Симферополь : АнтикВА, 2006. – 392 с.
16. Сирота Н. А. Так сражалась Керчь. Документальный очерк / Н. А. Сирота. – Симферополь : Таврия, 1976. – 160 с.
17. Украинская ССР в годы Великой Отечественной войны Советского Союза: Хроника событий / рук. кол. сост. В. И. Клоков. – К. : Политиздат Украины, 1985. – 618 с.
18. Широкоград А. Битва за Крым : роман-хроника / А. Широкоград. – М. : Астрель; АСТ; Транзиткнига, 2005. – 475 с. (см. № 102).
19. Басов А. В. Крым в Великой Отечественной войне 1941-1945 / А. В. Басов. – М. : Наука, АН СССР, отделение истории, 1987. – 336 с.
20. Михайлов Л. А. Керчь – двадцать шесть веков: История города / Л. А. Михайлов. – Керчь : ООО «Керченская городская типография», 2001. – 495 с.

Білялов С.М.

УДК 94(477.75)

КОРОТКИЙ ОГЛЯД ДЖЕРЕЛ ТА ЛІТЕРАТУРИ З РАННЬОЇ ІСТОРІЇ КРИМСЬКОГО ХАНАТУ

В середині XV століття на Кримському півострові утворилась могутня держава, яка відіграла велику роль в суспільно-політичному житті Центрально-Східної Європи, зокрема таких країн як Польща, Велике князівство Литовське, Московська держава, Османська Туреччина, князівства Молдова і Валахія – Кримське ханство. Агонізуюча Золота Орда, після розгрому Тимура, почала розпадатися на ряд дрібніших держав (улусів). В результаті цього розпаду, нащадками Чингіз-хана були утворені Сибірський, Узбецький, Казанський, Астраханський та Касимовський улуси. В їх числі був і Кримський улус, утворений Хаджі-Гераям у 1428 році. Хоча остаточно він відділився від Золотої Орди лише у 1443 році.

Крим ніколи не був обділений увагою істориків. Загальновідомо, що першими з них були арабські та античні автори, в тому числі такі відомі й авторитетні, як Геродот і Страбон. Зацікавленість Кримом не згасала і в середньовіччя і в ранньомодерну добу. Історичні долі населення невеликого за розміром півострова представляють собою широке поле діяльності для спеціалістів з історії воєн, економіки, дипломатії, а також для етнографів, філологів, мистецтвознавців. Дослідження формування кримськотатарського етносу і становлення його державності є особливо **актуальними**, так як вони недостатньо досліджені, а кримськотатарський народ є одним з народів нинішньої України і автохтонним населенням Криму.

Метою статті є огляд джерел та літератури, доступних науковцям для вивчення ранньої історії Кримського ханату.

З історії Кримського ханства, яка нероздільно пов'язана з історією України, є багато документів. В "Архіві головному актів давніх у Варшаві" у фонді "Архів коронний у Варшаві" є поряд з "шведським", "молдавським", "козацьким" і "татарський" відділ, в якому містяться надзвичайно цінні джерела з історії дипломатичних відносин Кримського ханства. [1, с. 318 – 365]. Велика кількість документів зберігається в Туреччині. В Стамбулі є два таких архіви: Топ Карі (Топ Капи) та архів Vaşbakanlık (архів Прем'єр-міністра). У Російському державному архіві давніх актів (РГАДА) є цілий фонд 122 Відносини Росії з Кримом. На жаль з цих архівів опубліковано менше двох відсотків документів. [2, с. 442]

Загалом історія Кримського ханства висвітлена в працях вітчизняних і зарубіжних дослідників, але ще далеко не використані всі джерела, а також немає окремої спеціальної праці, присвяченої Кримській державі. Залишається ще багато нерозкритих питань в історії ханату, які потребують більш детального вивчення. Серед них, наприклад, рік приходу до влади Хаджі-Герая. Треба сказати, що перші роки